

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ХОЗЯИН КОЛОДЦЕВ

Марина и Сергей Дяченко

Хозяин колодцев

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72223699

Аннотация

Философская повесть в жанре фэнтези.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марина Дяченко, Сергей Дяченко Хозяин колодцев

Часть первая

В первый день лета Юстин нашел пять мертвых воронов. Все трупы выглядели одинаково: клюв разинут, перья на боках слиплись, а на спине выпали, образовав круглую кровавую проплешину.

– Наездники, – сказал дед, когда Юстин рассказал ему о находке. – Вчера вот только подумалось... – и помрачнел.

На другой день Юстин нашел крысу. На боках у нее явно виднелись следы от маленьких шпор, спина, сбитая седлом, кровоточила; тем не менее крыса не спешила подышать и, завидев Юстина, уползла под порог.

Дед всю ночь просидел, запершись в своей каморке, и к утру дом провонял едким и кислым. На рассвете Юстин получил пригоршню лягушачьих костей, моток шелковой нитки, один деревянный гребень, один железный – и объяснения, как всем этим пользоваться; пока Юстин ходил по саду, разматывая нить, выламывая зубья из деревянного гребня и зарывая лягушачьи кости, дед возился с домашней живно-

стью – метил спины уткам, курам, козам, поросенку и кошкам.

– Огонька я тоже на всякий случай пометил, – сказал дед, когда усталый Юстин мыл руки во дворе.

Огонек был волкодавом, и когда его передние лапы ложились Юстину на плечи, пес смотрел на человека сверху вниз. Смывая мыло с твердых широких ладоней, Юстин думал, каков же должен быть наездник, чтобы укатать Огонька.

– Дед... А человека они могут укатать?

– Человека не могут, – сказал дед после паузы. – Свинью, бывало, укатывали. Теленка... А человека – нет. Разве что королева... Королева наездников. Та – может...

Юстин улыбнулся, давая понять, что оценил шутку.

Четыре ночи ничего не происходило; на пятую Юстин проснулся не то от звука, не то от прикосновения, не то от дурного сна.

А может быть, от едва слышного звона натянувшейся шелковой нитки.

– Стой! – рявкнул дед. – Сам не ходи... Вместе...

Бесновался на цепи Огонек.

Они выскочили в сад, вооруженные Юстин косой, а дед вилами. Почти сразу же что-то прыснуло из-под ног; Юстин отшатнулся и едва не напоролся на эти вилы, тогда дед на полуслове оборвал заклятье-оберег, выругался и забормотал снова. Слова его вплетались в шелест ветра, от слов качалась трава и прыгал по стволам свет фонаря. Юстину показалось,

что кто-то глядит из-за деревьев, что свет отражается в маленьких равнодушных глазах; прямо над головами мелькнули три или четыре нетопыря, ветер стих, наваждение исчезло.

Дед отбросил вилы и взял у Юстина фонарь. Поднял повыше; в нескольких шагах имеласьдохлая крыса, снежно-белая посреди вытоптанной травы, со жгутом спутанных ниток на шее.

– Сказано – на чьей земле наездник коня переменит, тому счастья семь лет не будет, – сообщил дед мрачно. – У нас уже они на семь семилетий наменялись, не меньше... Чтоб им провалиться, сволочам!

– А может, обойдется? – спросил Юстин, осторожно трогая пальцем острие косы.

– «Обойдется», – безнадежно буркнул дед. – За наездниками всегда саранча идет, вот помяни мое слово... Горевестники они. Ненавижу.

Дед подошел к крысе. Поднял за шелковый жгут, рассмотрел дыры от шпор на боках; отбросил под куст смородины:

– Навернулся наш сторожок... Слушай, Юс, не в службу, а в дружбу. Надо караулить, ничего не поделаешь, нельзя, чтобы они тут, как у себя дома... Посиди до утра. Я тебе фуфайку принесу.

Под утро Юстин проснулся от сырого холода. Костер превратился в кучу пепла; Юстин плотнее завернулся в дедову фуфайку, встал сперва на четвереньки, потом, потирая затекшую спину, поднялся в полный рост. Вокруг стояла тишина, не смела пискнуть ни единая пичуга, и Юстину припомнились дедовы слова: горевестники... За наездниками всегда саранча идет, помяни мое слово...

Он вспомнил, как накануне козы отказывались идти на луг, жались друг к дружке и истошно мекали. Как не выходили из дому гулены-кошки, а куры, спокойно бродившие по двору, ни с того ни с сего вдруг устроили такой гвалт, будто они были уже в желудке у хорька. Да, незавидная судьба – шпоры в бока и бег до смерти...

Юстин рывком оглянулся. Ему показалось – вот-вот на шею свалится с ветки беспощадный любитель быстрой езды, разорвет рот невесть откуда взявшимися удилами...

Ветки покачивались, будто успокаивая. Среди листвы виднелись маленькие, едва начавшие вызревать яблоки.

Юстин закинул косу на плечо – и медленно двинулся в обход огромного сада, их с дедом единственного достояния, их гордости и кормильца, вечной заботы, их сада, короче говоря...

Он шел и думал о наездниках. О том, что вся их корот-

кая жизнь – забава. Что они забавы ради гоняют на птицах и крысах, на собаках, волчатах и летучих мышах. И, скорее всего, у них нет никакой королевы. Зачем им королева? Каждый из них сам себе король...

С другой стороны... Не бывает дыма без огня, верно? Пусть все, кто якобы видел Королеву, врут... Но ведь люди, случается, пропадают невесть куда, был – и нету... Может быть те, пропавшие, и видели Королеву на самом деле? Просто никому не успели рассказать?

Прямо над головой у него закачалась ветка, дернулась, обрушивая на Юстина редкий дождик росы. Он вскинул голову; в кроне старой черешни, как в зеленом шаре, сидела девушка.

Лицо ее было белое и круглое, слишком большое для наездника. Шея, плечи, тонкие руки, подол светлого платья; Юстин напряженно искал взглядом перепончатые крылья. Если только из-за спины свешиваются крылья, то...

Девушка покачнулась, теряя равновесие. Уперлась в ветку босыми ногами; Юстин разглядел очень тонкие, нежные ступни, круглые пятки, два ряда круглых пальчиков – будто четки.

Она сидела, насупившись; с каждой секундой небо становилось все светлее и светлее, и Юстин уже мог видеть, что незнакомка не так бледна, как показалось вначале. Что щеки ее – румяные, кончик носа – розовый, а волосы – каштановые. И еще он видел, что ей неловко – и оттого она злится.

– Ты косарь? – спросила она наконец. – Шел траву косить? Вот и иди себе...

Голос у нее был будто бы простуженный – низкий и хрипловатый.

– Я хозяин этого сада, – сказал Юстин. – И этого дерева.

– Значит, это твою черешню я ем, – спокойно подытожила девушка. – Будь добр, иди своей дорогой. Я сейчас слезу.

Ветка качнулась; девушка потеряла равновесие, пытаясь прикрыть подолом круглое колено:

– Ну, что уставился? Иди отсюда!

– Черешня у нас еще не созрела, – сказал Юстин.

– Это внизу не созрела... А здесь, на верхушке, вполне уже хорошенькая... Ай!

Юстин отбросил косу и бросился ей на помощь – однако в последний момент воровка ухитрилась приостановить падение. Снова взобралась на ветку, залезла еще выше; с высоты насмешливо взглянула на Юстина:

– Поймал?

– Пеняй на себя, – сказал Юстин. – У нас с ворами знаешь как? Голая домой пойдешь. В смоле и в перьях.

Круглопятая девушка засмеялась – хрипловато и низко, точь-в-точь королева наездников:

– Сперва поймай.

– А я обожду, – Юстин сел на траву. – Куда мне спешить...

Девушка в ветвях притихла.

– Спешить некуда, – Юстин растянулся, подложив под го-

лову ладонь. – Скоро дед мой придет, собаку приведет... Собачка до вечера посторожит. А вечером сама как груша сва-
лишься.

– Ну-ну, – сказала девушка, без особой, впрочем, уверенности в голосе. И почему-то посмотрела на светлое небо, подернутое перышками облаков.

Юстин задумчиво изучал ее круглые пятки; нет, эти пятки не знают, что такое горячая дорога, острые камушки, что такое стерня. И если хорошенько поискать под деревом...

Долго искать не пришлось. Пара туфельек, кожаных, не особенно маленьких, но очень ладно сшитых, небрежно валялась в траве под кустом.

– Дорогие, – сказал Юстин, разглядывая находку.

– Не твои, – отрезала круглопятая.

– Конфискую за потраву, – сказал Юстин. – Тебе ни к чему, все равно голая домой пойдешь...

– Ну и дурак, – сказала девушка. В низком ее голосе неожиданно прорезались высокие нотки, нервные такие петушки.

И снова воцарилось молчание. Юстин уселся на траву, а потом и растянулся, закинув руки за голову.

– Тебя как зовут? – спросила круглопятая девушка.

– Юстин.

– А меня Анита...

Она замолчала, ожидая продолжения диалога; Юстин жевал травинку. Ему было интересно, как круглопятая станет

выкручиваться дальше.

– А я наездника видела, – сказала девушка. – Прямо сегодня. Вот близко, прямо как тебя.

Юстин нахмурился:

– Где?

Девушка неопределенно махнула рукой – закачались ветки:

– Там... На берегу. Маленький, мне по колено. В кожаном колпаке. Глаза зеленые. Рот здоровый, как у лягушки. Золотые шпоры. Вскочил на ворону и – фьють...

– Врешь, – разочарованно сказал Юстин. – Не могла ты его так рассмотреть. «Золотые шпоры»... Про золотые шпоры и так все знают.

– Не вру, – обиделась девушка. – Впрочем, не хочешь верить – так и не верь...

– Жаль, что ты не королева наездников, – неожиданно для себя сказал Юстин.

Девушка покачнулась на своем ненадежном насесте:

– Что?

Юстин понял, что не помнит, как ее зовут. Надо же, ведь она минуту назад назвала свое имя! А из-за этих проклятых наездников он все позабыл...

– Э-э-э, где же солнце? – озабоченно пробормотала девушка, глядя вверх.

– А тебе зачем?

– Погреться хочу, – буркнула девушка.

– Замерзла? Погоди, то ли еще будет. Может, и дождик к обеду соберется...

– Слушай, чего ты ко мне пристал? Удавить готов за пару ягодок? Все вы, крестьяне, такие жадные...

– Я не крестьянин, – сказал Юстин.

– А кто?

– Садовник.

– Не все ли равно? Садовники тоже жадные...

Юстин разглядывал подошвы ее туфель. Нет, в этом она не могла прийти издалека.

– Откуда ты взялась?

– Ниоткуда. С неба упала.

Юстин огляделся. Никакой лошади – и даже следов ее пребывания – поблизости не было.

– Ты одна? – спросил Юстин почему-то с беспокойством.

– Одна, – помолчав, сказала девушка. – И вступить за меня некому. Так что издевайся как хочешь.

– А как ты приехала? Ты по дороге не шла, у тебя туфли чистые и подошвы тоненькие... Морем?

– Морем, – согласилась девушка, но снова после крохотной паузы, и эта заминка не понравилась Юстину.

– Знаешь что? Добром слезай.

Девушка демонстративно поболтала ногами:

– Мне и здесь неплохо.

– Плохо, – сказал Юстин с нажимом. – А будет хуже... Ты, надеюсь, не русалка?

– Королева наездников, – фыркнула круглопятая. – Да хоть ведьма. Как тебе будет угодно.

Она смотрела на небо, и Юстин смотрел тоже. Почему-то представился ворон размером с быка, верховая птичка, камнем падающая из поднебесья...

– Что ты там забыла? На небе?

– Ниче...

Вероятно, круглая пятка все-таки соскользнула с тонкой ветки. Девушка на вид была изящной и легкой – однако, падая, опрокинула Юстина, будто деревянную плашку. Вместо того чтобы поймать летящий и вопящий предмет, Юстин послужил ему периной при падении.

Было больно. Девушка не нарочно заехала ему коленом в живот и локтем в зубы, и он был очень рад, когда она слезла с него и проворно отпрыгнула в сторону.

– Королева наездников, – пробормотал он, с трудом поднимаясь.

– Извини, – сказала она и отступила на два шага.

Туфли ее валялись там же, где Юстин их уронил. Теперь он поднял их, сложил подошва к подошве и сунул под мышку.

– Отдай, – сказала круглопятая, переминаясь с одной бо-сой ноги на другую.

– Сейчас, – хмыкнул Юстин.

Девушка протянула руку:

– Дай.

– Не дам. Босиком не убежишь.

Девушка мельком взглянула на небо – тучи тем временем сгустились, солнце не проглядывало.

– А я и так не убегу, – сказала она почти шепотом. – Давай, мажь меня дегтем... Чего уж там. Вперед.

Юстин нахмурился. Помолчал, глядя круглопятой в глаза; бросил ей туфли тем мгновенным плавным движением, каким дед учил его метать ножи:

– На!

Она поймала. Проглотила слюну; обулась, нарочито не глядя на Юстина. Выпрямилась, вскинула подбородок; Юстин сроду не видел благородной дамы, но подумал в эту минуту, что именно так, вероятно, благородные дамы и выглядят...

– Прощай, – сказала девушка так горделиво и таким низким голосом, что Юстин подумал: пробасила.

– Прощай...

Она повернулась и пошла прочь. Не шла – выступала, будто по ковровой дорожке; на десятом шаге споткнулась о корень и чуть не упала. Зашипела от боли.

Обернулась.

Юстин стоял, не двигаясь с места.

* * *

– У тебя поесть найдется?

– А что, черешни не сытные?

– Дались мне твои черешни... У меня ноги вон все исцарапанные. И колено болит. Дались мне твои черешни...

Юстин остановился:

– Слушай, откуда ты взялась? Среди ночи, под утро? Одна? Отсюда до ближайшего хутора целый день топать, если пешком... А до города все два дня... Где твой экипаж? Где твоя лодка?

– Лодка?

– Но ты же сказала, что морем приехала?

Девушка некоторое время пыталась придумать убедительную ложь. Не придумала. Поморщилась:

– Давай присядем.

И она уселась прямо на траву, требовательно уставилась на Юстина снизу вверх, и он вынужден был последовать ее примеру. Девушка посмотрела, насупившись, Юстину в глаза, вытащила откуда-то из-за пояса маленький ножик и, вспарывая траву и землю, очертила вокруг себя и Юстина широкий круг.

Последовала долгая пауза.

– Это зачем? – спросил наконец Юстин.

– Это у меня привычка такая, – серьезно ответила девушка. – Так вот, что же я хотела тебе сказать... У тебя поесть найдется?

– Хлеб, – медленно сказал Юстин. – Сыр... Но это все в доме, а там дед... Деду про тебя говорить, или как?

Девушка опустила глаза:

– Нет, деду про меня лучше не говорить... А у вас в доме нету такой штуки, чтобы погоду предсказывать?

– Есть паук заговоренный... На сегодня дождь обещал.

Девушка застонала. Помотала опущенной головой, так что коротко – до плеч – остриженные волосы закачались светлым шатром:

– У-у-у... А на завтра?

– Он дешевый, – сказал Юстин. – Только на один день предсказывает.

Помолчали.

– Ты забыл, как меня зовут, – сказала девушка.

– Ага, – признался Юстин.

– Анита.

– Вот теперь точно не забуду...

– Это хорошо, что я тебя встретила, а не деда, – серьезно сказала Анита.

– Дед тоже добрый, – нерешительно возразил Юстин.

Анита хмыкнула. Некоторое время было очень тихо.

– Птиц не слышно, – сказал Юстин. – Плохо.

– Наездники, – сказала Анита. – Я... Слушай, ночью страшно было. Их в саду вашем гоняло штук шесть.

– Ага, – сказал Юстин. – Мне дед велел сторожок наладить, так они сторожок сорвали...

И опять стало тихо.

– А вот почему люди наездников боятся? – спросила Ани-

та. – Ну ладно, они могут загнать курицу, поросенка там... если не намазать заговоренной смолой. Ну, ворон загоняют... Крыс... А люди почему боятся?

– Горевестники, – коротко ответил Юстин. – И потом... Птиц нет, саранча приходит. Яблоки созреть не успеют, про вишню я уж молчу... А зачем ты круг нарисовала?

– Это такой символ доверия, – сказала Анита. – Ты меня за черешни свои простил... Ну и я тебе благодарна. Так, в общем.

– А откуда ты взялась?

Анита вздохнула:

– Слушай... Будь другом. Принеси мне поесть, а заодно посмотри, что там твой заговоренный паук показывает. А я тебя здесь обожду. Хорошо?

Юстин помолчал, потом без слов поднялся и пошел к дому. Дед был в сарае; не окликая его, Юстин потихоньку вошел в дом, отрезал хлеба, сыра и кусочек колбасы, налил в небольшой кувшин молока – и, подмигнув Огоньку, пустился в обратный путь.

На полдороги вспомнил, что забыл посмотреть на паука. Возвращаться не стал; тучи, против ожидания, перестали сгущаться и даже слегка разошлись, так что в голубое окошко брызнул на какое-то мгновение луч солнца...

Потом серые перья сомкнулись снова.

Когда Юстин, со свертком и кувшином, добрался до места, где оставил Аниту – там уже никого не было. Только пу-

стой круг, нарисованный ножом.

* * *

– Дед... А когда круг рисуют на земле – это зачем?

Дед скосил на Юстина здоровый глаз:

– Да разные заклатья бывают... От чужого уха, или от чужого глаза, или от дурного помысла. А тебе зачем?

– Да так, – сказал Юстин, и дед не стал спрашивать. Вздохнул только и вернулся к своей работе – рубашку штопал.

– Да так, – повторил Юстин виновато. – Девушка тут была...

Дед поднял бровь.

– Да, – Юстин поерзал. – И главное, непонятно, откуда взялась. Ноги нежные, туфли господские, новенькие. Ни экипажа, ни лошади, платье такое, будто только что из дому. На берегу следов нет... Я специально на берег ходил. Песок нетронутый с прошлого дождя...

– Горевестники, – сказал дед, пряча лицо глубоко в бороду. – Так я и знал.

– Так ведь нету никакого горя...

– Девушка ниоткуда – это не радость, сынок. Радость – это когда девушка настоящая, здоровая, усталая, потом пахнет, когда ты знаешь, чья она и откуда пришла... А это не девушка, сынок, это мара, или русалка, или еще какая-то гадость,

ты вот что... Давай-ка оберег тебе сочини какой-нибудь.

– Она живая, – растерянно возразил Юстин. – Ноги расцарапала... И тяжелая такая...

Дедова бровь поднялась еще выше.

– Она на меня с дерева упала, – виновато пояснил Юстин.

Здоровый дедов глаз смотрел пристально, слепой – отрешенно.

* * *

Всю следующую неделю шел, иногда прекращаясь, дождь. Трава в саду поднялась по пояс; паук-предсказатель упрямо сидел в левом нижнем углу паутины, что во все времена означало облачность, дожди и непогоду.

Дед все-таки уехал на ярмарку. Угнездилился в телеге, прикрывшись от неприятливого неба куском рогожки, и Юстин на несколько дней оказался ответственным за все хозяйство и всю скотину.

Поздно вечером, закончив наконец-то все дела и забравшись на холодную печку – они с дедом никогда не топили летом – Юстин долго мерз, кутался в отсыревшее одеяло, стучал зубами и, вспоминая Аниту, сжимал в кулаке изготовленный дедом оберег – смолистый шарик с торчащими из него перьями.

Наутро небо было чистое, ясное, и прежде чем паук-предсказатель успел перебраться из левого нижнего угла в пра-

вый верхний, весь двор и весь мир оказались залитыми солнцем.

* * *

– Стой!

Девушка вздрогнула и остановилась. Платье на ней было уже другое – зеленоватое, с высокими пышными рукавами.

– Не ходи сюда, – сказал Юстин. – Откуда ты снова взялась? С неба?

– Извини, – сказала девушка, чуть помолчав. – Я думала... Ну если я так тебя возмущаю своим видом – я уже ухожу.

– погоди, – сказал Юстин в замешательстве. – Я только хотел... Ты нежить?

– Что? Опять?! Королева наездников я, ты сам сказал... Прощай.

– Да погоди ты! – рассердился Юстин. – Я по-человечески с тобой... Я тебе колбасы принес. Я ее сам нечасто ем. А тебе принес – хлеба, сыра, молока... колбасы... А ты куда девалась? И как после этого поверить, что ты не нежить?

– А, – Анита запнулась. – Я в самом деле... Ты извини. Мне надо было быстро уйти... – и она опустилась на траву, прямо где стояла, и приглашающе похлопала по земле рядом с собой.

Юстин потрогал оберег на шее – и сел. Анита тут же вы-

тащила свой ножик и заключила их обоих в круг.

– Мне надо было уйти, – повторила Анита. – Понимаешь... Я человек, такой же, как и ты. Можешь мою руку потрогать – теплая... Это что у тебя, оберег? Я его хоть на себя надеть могу, и мне ничего не сделается. Потому что я человек.

– А куда ты девалась? – мрачно спросил Юстин.

Анита вздохнула:

– Ну, есть у меня один... способ... Я на солнце смотрю.

Юстин невольно поднял глаза к ясному небу. Зажмурился:

– Я тоже иногда смотрю... Через стеклышко. Ну и что?

Анита кивнула, будто обрадовавшись:

– Вот-вот... Через стеклышко. И я...

Она коснулась цепочки на шее – на цепочке болталось закопченное стеклышко, очень темное, круглое, с отшлифованными краями.

– Я смотрю через него на солнце, и оно переносит меня домой, – шепотом объяснила Анита. – А если солнца нету... Я тогда, помнишь, когда наездники... Я на закате не ушла, хотела поближе на них посмотреть. А утром были тучи... А если тучи, я не могу попасть домой. И если бы я тогда, в тот просвет, солнце не поймала – неделю мне тут сидеть, а отец... Он, в общем, не понял бы.

Юстин молчал. Смотрел на круглое стеклышко.

– Это заговор? – спросил наконец.

Анита усмехнулась:

– Скажешь такое... Это не заговор. Это магия.

– Да? – Юстин повел лопатками, будто от холода.

– Ничего особенного, – с напускным равнодушием сказала Анита. – Посмотришь – и дома...

– А можно мне посмотреть?

Анита отпрянула. Быстро спрятала стеклышко за вырезом платья:

– Ты что, хочешь оказаться *у меня дома*?

В голосе у нее был такой ужас, что Юстин помрачнел:

– А... Что?

– Ничего, – сказала Анита. – Просто... ни к чему это.

– А оно только к тебе домой переносит?

– Отсюда – да, – кивнула Анита. – Из дома – в любое... место. То есть, конечно, не в любое, но... во многие места. Надо захотеть... если старое место – то вспомнить. Если новое – представить...

– Значит, – сказал Юстин, – значит, сегодня ты захотела вернуться сюда?

Анита отвернулась:

– Да... Чего особенного?

– А зачем? За черешнями? Понравилось?

Она покосилась на него почти неприязненно:

– Знаешь... Если все время шутить одинаково, то шутка становится... чем-то совсем другим, тебе не кажется?

– Ну, извини, – сказал Юстин, чувствуя себя дураком.

– Мне здесь понравилось, – сказала Анита просто.

И в полной тишине этого утра они замолчали. Надолго.

Анита сидела вполоборота к Юстину. Русые волосы были не распущены, как в прошлую встречу, но аккуратно подобраны гребнями. В мочке розового уха поблескивала зеленая искорка-серьга. Анита смотрела мимо Юстинова взгляда – вдаль.

– Знаешь, – сказал Юстин, – наверное, тебе не следовало вот так, сразу, открывать свою тайну кому попало. Другой человек мог бы... обидеть тебя. Отобрал бы стеклышко, разбил... И что?

Анита удивленно на него покосилась:

– Ты думаешь, я дура? Я же вижу, с кем говорю... Ты же мне колбасу принес, вот какого ты лешего потащил колбасу незнакомой воровке? А?

– Ну... наверное, ты права, – смущенно согласился Юстин. – Наверное...

Снова замолчали.

– А я один остался, – сказал Юстин. – Дед уехал на ярмарку... Раньше завтрашнего вечера и ждать нечего.

– Слушай, – после паузы сказала Анита, и голос у нее был почти торжественный. – Послушай... Покажи мне, как вы живете, а?

Юстин опасался, что Огонек не примет нежданную гостью – но тот, хоть и не радовался особенно, команду послушал и убрался под порог, звеня цепью.

Анита, как оказалось, совсем не боялась собак.

Она восхищалась козами, курами, она заглядывала в печь, с восторгом брала с руки грубые тарелки и миски, залезала на лавку, чтобы понюхать пучок сушеных трав под потолком:

– Здорово!

Юстин стеснялся их с дедом дома – убогого, не очень чистого, сырого и темного. Юстин не понимал, где должна была вырасти девушка, с таким интересом разглядывающая печной ухват; против Юстинового опасения, дедовы «штучки» (заготовки для оберегов, лягушачьи кости, перья диковинных птиц, клубки цветных ниток и заговоренный воск) нимало Аниту не заинтересовали. Расписные деревянные ложки увлекли ее куда больше; правда, за все время, пока Анита изучала дом, двор и сарай, между ней и Юстином не было сказано и двух слов – Анита всякий раз останавливала Юстина, когда тот пытался что-то объяснить:

– Потом...

Потом они вышли во двор, Анита изъявила желание сесть на землю, и Юстин подстелил ей рогожку. Анита дождалась, пока рядом усядется Юстин, и вытащила свой ножик.

Юстин смотрел, как она вырезает круг. Краем сознания прошла мысль, что к дедовому возвращению надо будет затереть след ножа на земле.

– Спасибо, – сказала Анита. – Жалко, что печку растопить нельзя. Мне хотелось бы посмотреть, как туда дрова бросают.

– А у тебя дома, – осторожно спросил Юстин, – печку топят чем?

Анита перестала улыбаться. Подумала; потрогала кончик носа:

– У меня дома печки вообще нету. Про мой дом давай не говорить, ладно?

– Это немножко нечестно, – сказал Юстин. – Я же тебе все показал... Все, что у меня есть.

– Ну да, – Анита нервно скомкала подол. – Конечно, это не очень честно... но только что поделаешь? Есть такое слово – «нельзя». Слышал когда-нибудь?

– Но ведь мы же в кругу, – осторожно сказал Юстин.

Девушка насторожилась:

– А что ты знаешь про круг?

– А что мне надо знать?

Анита отвернулась:

– Ничего не надо знать. Не твое это дело. Просто мне захотелось сегодня прийти... Сюда. Я и пришла. Скоро уйду.

Мимо сидящих прошла рыжая курица. Походя склонула какого-то жучка. На куриной спине уродливым черным пят-

ном лежала заговоренная дедом смола.

– У тебя отец строгий? – предположил Юстин.

– Да, – нехотя отозвалась Анита.

– А мама есть?

– Нету... Слушай, мне правда скоро пора.

– А я не буду тебя расспрашивать. Сиди спокойно.

Анита вдруг улыбнулась:

– Да нет... Спрашивай, я не боюсь. Если не смогу ответить, так и скажу.

Юстин понял, что почему-то волнуется.

– Твой дом далеко? – начал он осторожно.

Анита кивнула:

– Да. Наверное. А может быть, не очень.

Юстин помолчал, выбирая вопрос.

– Твой дом... там всегда светит солнце?

Анита посмотрела удивленно:

– Нет... Там вообще нет...

И она зажала себе рот рукой.

– А как же ты тогда смотришь через стеклышко? – спросил Юстин, ощущая неприятный тяжелый холод в груди.

– А я там не на солнце смотрю, – сказала Анита глухо.

– Это под землей? – спросил Юстин.

– Может быть, – вздохнула Анита.

– Твой отец...

Анита резко подняла голову, взглянула на солнце, зажмурилась:

– Мне пора, Юстин. В прошлый раз, когда я опоздала, мне такое было... Лучше сейчас уйти, а то вон туча ползет...
Смотри!

И Юстин подался на детскую уловку. Глянул туда, куда указывала Анита, а когда обернулся снова – рядом с ним никого не было.

Вообще никого. Только куры.

Заскулил на цепи Огонек.

* * *

Дед вернулся на другой день. Едва посмотрев в его здоровый глаз, Юстин понял, что новости плохие.

– Худо с торговлей?

– Какая уж торговля... – дед стоял, привалившись к стене, и безучастно смотрел, как Юстин распрягает лошадь. – Горевестники... Пришли наездники – быть беде, помнишь мои слова?

– Что случилось-то? – Юстин старался говорить как можно небрежнее, в то время как руки начинали почему-то дрожать. Лошадь, которую дед обычно щадил, теперь чувствовала себя плохо: мокрая, заморенная, со следами батога на спине.

Ее немилосердно погоняли.

– Наш-то войну затеял, – проговорил дед глухо.

Юстин не стал переспрашивать. «Наш» – означало

«КНЯЗЬ».

– Войну, – продолжал дед с отвращением. – Жди рекрутского набора... Рекрутского набора!

В голосе его звучал ужас, которого не удавалось скрыть.

* * *

– Что ты делаешь? – спросила Анита.

Юстин с трудом разогнул спину. Посмотрел вверх; увидел щегольские кожаные туфли, ноги, стоящие в траве у свежерытой ямы, так близко к краю, что осыпались черно-рыжие комья из-под подошв.

– Что ты делаешь? – повторила Анита обеспокоено. – Это что, могила? Кто-то умер?

– Это моя могила, – сказал Юстин нехотя.

– Что?!

Прежде чем он успел возразить, она легко спрыгнула к нему, на дно ямы, в глину.

– Что? Ты что, Юстин?

Ему захотелось успокоить ее. Потому что она действительно испугалась не на шутку.

– Рекрутский набор, – объяснил он мягко. – Приедут вербовщики... А дед им мою могилу покажет. Нет, – он улыбнулся, – пустую... Но могилу надо соорудить по всем правилам. Чтобы вербовщики поверили.

Анита нахмурилась. Посмотрела вниз, на грязную лопату

в Юстиновых руках; подняла взгляд:

– Рекрутский...

– Рекрутский набор, – со вздохом повторил Юстин.

Анита без слов попыталась выбраться из ямы, но влажная земля подавалась под носками туфель, и ноги соскальзывали, оставляя борозды на стенке Юстиновой могилы. Он помог ей; под светлым платьем, сшитым из очень тонкой, очень мягкой материи, напрягалось теплое тугое тело, и когда Анита выбралась наконец наверх, Юстину стало жаль, что дозволенное прикосновение закончилось.

Потом он увидел, что на светлом платье остался след его грязных ладоней. Ему сделалось неловко.

– Я тебя запачкал...

– Ерунда, – Анита села на траву.

Юстин выбрался следом – чумазый, потный, смущенный. Молча сел рядом; Анита обвела на земле круг – и сразу же заговорила:

– Рекрутский набор – это в солдаты?

– Да. Наш затеял войну... Снова. Наш князь.

Анита свела брови. Выпятила нижнюю губу:

– Что-то я слышала... Ты думаешь, вербовщики поверят?

Юстин пожал плечами:

– Надеюсь... Вот живи мы с дедом в поселке или на хуторе – тогда некуда было бы деваться, только в леса уходить... А так – может быть, и поверят. Ты же им не скажешь? – спохватился он вдруг.

Анита обиделась. Юстин смутился снова:

– Ты... это.

Она сидела рядом, и на платье ее ясно виднелись следы его ладоней. Юстин потер руки одна об другую; ладони помнили прикосновение и не хотели забывать. Разозлившись, он несколько раз громко хлопнул в ладоши – чтобы хоть болью прогнать воспоминание.

– Ты кому хлопаешь? – улыбнулась Анита, и Юстин понял, что она не сердится.

– Я глупость брякнул, – признался он честно. – Тебе платье... замазал. Дома ругаться не будут?

Анита покачала головой:

– Не заметят... Я ведь иногда, если из дома переносусь и место перепутаю, так в ручей падаю или в болото... И такая домой возвращаюсь – ну просто хоть к лешему в дупло!

– «Переносусь» – это когда в стеклышко смотришь?

– Ага...

– А как ты к нам в сад попала? В самый первый раз?

Анита смутилась:

– Ну... Мне тогда черешен захотелось. И я загадала такое место, где уже созрели черешни...

Юстин засмеялся, а Анита взглянула в небо. Солнце то пряталось за неширокие ленты облаков, то выныривало снова, однако Анита смотрела не на солнце; черная туча, не похожая на прочие облака, обозначилась на востоке и быстро приближалась, захватывая все небо, растягиваясь частой

сеткой.

Вороны.

Юстин разинул рот. С того самого дня, как в саду побывали наездники, он не видел ни одной птицы; теперь вороны летели тысячами, будто на чей-то зов, закрыли собой все небо – ни края, ни конца молчаливой стае не было и не предвиделось.

– Вот оно, – тихо сказала Анита. – Быть войне.

Юстин обхватил плечи выпачканными в земле руками:

– Добычу чувят...

Дед рассказывал, как его самого когда-то забрали в рекруты – еще при батюшке нынешнего князя. Немного, впрочем, рассказывал; больше говорили слепой глаз, шрамы на лице и следы палки на спине.

И ненависть к воронам.

– Чуют, – мрачно подтвердила Анита.

И оба посмотрели на почти полностью готовую могилу.

– Вашего князя Краснобровым зовут?

Вороны все летели и летели.

– Да... – не сводя глаз с могилы, пробормотал Юстин.

– «Краснобровому вечно тесно в отцовых границах», – сообщила Анита, будто повторяя чьи-то слова. – «Но на этот раз заварушка закончится не так, как ему хотелось бы».

– Что? – удивился Юстин.

Вороны все летели и летели.

– Хочешь, я предупрежу тебя, когда вербовщики в вашу

сторону двинут? – просто спросила Анита.

Юстин захлебнулся:

– А ты... Ты можешь?

– Попробую, – Анита нахмурилась. – Слушай, небо затягивает... Мне пора. Отвернись...

– погоди, – быстро сказал Юстин. – Ты в следующий раз... когда?

– Попробую поскорее, – деловито пообещала Анита. – Ну, отвернись, давай!

И Юстин покорно отвел глаза – как будто Анита собралась купаться.

Вороны все летели, но девушки рядом уже не было; Юстин тщательно затер нарисованный на земле круг.

* * *

– Непростая у тебя подружка, – сказал дед.

Юстин помрачнел.

– Но она – не нечисть, – продолжал дед серьезно. – Я ее следы волчьим порошком посыпал – и хоть бы что. Человек, значит.

– Ну конечно, человек, – сказал Юстин немного раздраженно.

– Я за тобой не шпионил, – возразил дед. – Это ты от меня чего-то прятаться надумал... А напрасно.

– Она обещала предупредить, когда вербовщики в нашу

сторону повернут, – сказал Юстин.

Здоровый дедов глаз мигнул:

– А откуда ей знать-то?

– Я вот что думаю, – сказал Юстин, осторожно вымакивая остатки ухи корочкой черного хлеба. – Я думаю, отец у нее – колдун. Хороший такой колдун. И нездешний.

– Ясно, что нездешний, – пробормотал дед. – В округе таких нет. Я не знаю.

– И вот еще, – продолжал Юстин, – она сказала – «ваш князь». А не «наш князь».

– Колдунам князья так и так не указ, – вздохнул дед.

– И еще, – Юстин совсем разволновался, – она говорила... будто слышала где-то, а мне повторяла. Что Краснобровому вечно тесно в отцовых границах. Что на этот раз он не победит...

Дед долго разглядывал дно опустевшей миски.

– Да, – сказал наконец. – Отец ее – тот еще колдун... Но ты не тушуйся. Колдуновы дочки – они и за простых замуж выходят, и за благородных, и за богатых, и за нищих... Им не все плевать, понимаешь. Свободные они в своем выборе... Так что не робей.

Ворочаясь на холодной печи, Юстин вспоминал дедовы слова и молча удивлялся: как могло деду прийти в голову, что он, Юстин, сможет *жениться* на Аните?

А потом он не выдержал – и поверил сам. И размечтался. Ох, как он мечтал! Какая длинная, какая бессонная, какая

счастливая выдалась ночь!

Наутро не было солнца.

* * *

Могила получилась на славу; Юстину даже сделалось немножко страшно. Дед ходил вокруг косога камня с выбитым на нем Юстиновым именем, бормотал заговоры, посыпал семенами трав – и уже через два дня могильный холмик выглядел так, будто сооружен был ранней весной, несколько месяцев назад.

– С весны тебя никто из чужих не видел, – раздумывал дед. – Поверят, куда денутся... Еды себе собери, мешок приготовь, чтобы всегда под рукой. На берег пойдешь – по песку не ступай, только по камням... Вокруг дома я траву-отбивайку насадил, она любой запах отбивает, если собаку пустят – как раз до камня доведет... Чего смотришь, Юстинка? Оробел? Не бойся... Сто лет проживешь. Если кому при жизни могилу соорудили – сто лет проживет, это уж точно...

Юстин молчал. Вот уже несколько дней солнце проглядывало хоть изредка, но все же проглядывало, а Аниты не было и в помине, и у Юстина поскребывало на душе, будто лапой. Вид собственной могилы не добавлял радости.

Ночью он долго не мог заснуть, но не мечты одолевали его – страх; как только темная комната и дедово сопение провалились в никуда – оттуда же, из ниоткуда, вынырну-

ла Анита: «Вставай же! Сколько можно тебя звать! Вербовщики идут, уже идут, вставай же, вставай! Они уже близко! Вставай, вставай, вставай!»

* * *

Дед стоял у колодца, облокотившись на сруб, пошатываясь. Рядом стояло пустое ведро. Ни кур, ни коз, ни поросенка, ни лошади не было ни слышно, ни видно. Перед крыльцом лежал Огонек, над ним вились мухи.

– Дед?!

Дед обернулся – рубаша на нем была разорвана во многих местах, сквозь огромную прореху на спине видны были свежие багровые отметины – поверх старых палочных шрамов.

– Злились, – сказал дед с трудом. Здоровый глаз его заплаыл, дед смотрел на Юстина сквозь щелочку. – Сильно злились, Юстинка. Огонька пристрелили... Хотели могилу раскопать, да передумали. Скотину со злости забрали. Чуть дом не подпалили... Злились, в общем. Чувяли, что мы их дурим.

Юстин помог деду сесть на скамейку у колодца. Быстро вытащил воды, дал напиться; дед долго умывался, опуская разбитое лицо глубоко в ледяную воду. Утерся остатками рубашки; улыбнулся, обнажая редкие зубы:

– Молодцы мы, Юстинка. Сберегли тебя.

Вторая половина лета была солнечной. Время от времени с запада на восток пролетали бессчетные стаи ворон – где-то шли сражения, поставляли воронам добычу.

Наездники больше не показывались.

Дед отлеживался; ради него Юстин топил даже печку по вечерам. Деда вечно знобило; молока не было, яиц не стало, Юстин ловил рыбу и кормил деда ухой, с ужасом думая, что станет осенью и зимой. Голод?

Анита приходила каждый день.

– Я тебе поесть принесла, – сказала она однажды.

Юстин поперхнулся:

– Зачем? Я же не нищий...

– Ну ты же мне колбасу предлагал, – нимало не смутясь, возразила Анита. – Я тебе не как нищему, я как другу... И деда покорми.

У нее в узелке было копченое мясо, нарезанное тонкими розовыми ломтиками. Солончатый сыр, подобного которому Юстин никогда не пробовал. Белый хлеб, такой нежный, что таял во рту без всякой помощи зубов. Желтоватое душистое масло...

– Откуда? – спросил дед.

– От верблюда, – сказал довольный Юстин.

Верблюда он видел однажды в детстве – на ярмарке.

Они сидели в границах круга, нарисованного на земле, и Анита рассказывала, что войско Краснобрового полностью разбито в сражении при речушке Белой, что армия его противника, Ушастого Звора, преследует князя и скоро нагонит его, и что предстоят большие перемены и потрясения...

– Куда уж больше, – сумрачно отвечал Юстин.

Дед понемногу выздоравливал – но все-таки очень медленно.

– Наверное, ты прав, – подумав, сказала Анита. – Всем, кто живет в глуши, все равно, кто там сидит на троне – Краснобровый или Ушастый Звор...

– Не все равно, – возразил Юстин. – Если Краснобровый останется – он через несколько лет захочет ответной драки, снова будет собирать по дворам тех, кто хоть сколько-нибудь подрост... Вон, деда забрали в рекруты, когда ему было пятнадцать.

– А сколько ему теперь? – спросила Анита, помолчав.

– Да уже за сорок.

– Да? – почему-то удивилась Анита. – Я думала...

И замолчала.

– Слушай, – сказал Юстин. – А про все это... Про эти сражения, про речку Белую, я даже не знаю, где она... Про все это ты от отца слышала?

– Ну, в общем-то, да, – нехотя призналась Анита.

– У него есть волшебное зеркало?

Анита поморщилась:

– Нет у него никакого зеркала. Ему не надо.

– Ого, – уважительно протянул Юстин.

– Ты вот что, – думая о своем, продолжала Анита, – ты своему деду – внук?

– Ну вообще-то, – теперь поморщился Юстин. – Вообще-то я ему приемыш.

– А родители твои...

– Нету, – сказал Юстин. – И не было.

– Ладно, – Анита не стала дальше расспрашивать. Опустила ресницы, раздумывая; Юстину ужасно захотелось потрогать ее щеку. Дотронуться до мягкого уголка чуть поджатых губ.

– Скажи, – проговорил он поспешно, прогоняя прочь недозволенные мысли, – скажи, а почему этого Звора Ушастым зовут? Это же вроде как насмешка. Наш бы Краснобровый ни за что не потерпел...

– Вот потому-то ваш Краснобровый разбит, а Ушастый за ним гонится, – со снисходительной улыбкой пояснила Анита. – Ушастый – он умный... У него уши большие, так он на шлеме себе велел выковать железные уши – еще больше. Чтобы в бою его всегда узнавали... И он никогда не собирает по деревням мальчишек на убой. У него своя армия, настоящая... Он красивый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.